

О роли старообрядцев в революции 1917 года

Если б не раскол русской церкви XVII века, не было бы революции 17-го года.

А.И. Солженицын

В декабре 2013 года в пресс-центре РИА Новости состоялось второе за год публичное выступление уважаемого историка Александра Пыжикова, предложившего революционный взгляд на роль, которую сыграло старообрядчество в преддверии событий 1917 года. Александр Владимирович, доктор исторических наук и профессор Российского Государственного Гуманитарного университета, первым в истории предложил своё историко-экономическое обоснования фразы А.И. Солженицына, которая вынесена в эпиграф данной статьи.

После вступительного слова приводим полную видеозапись и стенограмму выступления. Настоятельно рекомендуем данный материал к прочтению и просмотру всем думающим и ищущим читателям нашего сайта!

Тема участия старообрядцев в революции была раскрыта автором в книге «Грани русского раскола». Предложенные гипотезы заинтересовали не только специалистов и старообрядцев, но и фонд Егора Гайдара, избравшего автора лауреатом премии имени Егора Гайдара и поддерживающего дальнейшее исследование и популяризацию этой точки зрения.

Сайт для думающих и ищущих STAROVE.RU также не обошёл вниманием данную точку зрения. Мы ознакомились с видеозаписью первого выступления автора, побывали на второй лекции для широкой общественности и в итоге сформулировали собственное мнение по этому вопросу. Не умаляя основательности подхода и объёмов проделанной архивной работы, мы хотели бы присоединиться к дискуссии и поразмышлять над тем, почему, в частности, старообрядческая тема могла заинтересовать столь серьёзную либеральную организацию.

Данная статья имеет своей целью разобраться, было ли участие старообрядцев в подготовке октябрьской революции столь явным и очевидным, как предполагает Александр Владимирович Пыжиков, либо это новый околонуточный миф, подменяющий действительность простым и потому соблазнительным объяснением сложных вещей.

Александр Пыжиков – доктор исторических наук, специалист по истории России XX века, главный научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС). Окончил исторический факультет Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. С 1994 г. работал директором Информационно-аналитического центра ЦК Российского Союза Молодежи; в дальнейшем был заместителем директора Института социально-политических исследований; являлся экспертом фонда “Центр стратегических разработок”.

В 1998 году защитил кандидатскую диссертацию по историческим наукам на тему «Общественно-политическое развитие советского общества в 1953—1964 гг.»; в 1999 году докторскую диссертацию по историческим наукам «Исторический опыт политического реформирования советского общества в 50-е — 60-е годы».

В 2000—2003 годах был помощником Председателя Правительства РФ; с 2003 по 2004 гг. — заместителем Министра образования Российской Федерации.

Кто украл кораллы?

Во вступительной части мы обобщим несколько разрозненных фактов, которые в совокупности дают нам повод думать, что в плане истории в нашей стране ситуация не многим лучше, чем, скажем, в экономике или политике. Это мнение может быть ошибочным, или даже параноидальным, но факты, тем не менее, остаются фактами.

По всем параметрам видно, что мнение Александра Пыжикова базируется на колоссальном материале архивных исследований. Тем не менее, риторика обоих выступлений автора, а главное акцент в выводах, состоят в основном из предположений и гипотез. Это даёт основания полагать,

что указанная концепция в дальнейшем может быть использована в качестве альтернативного варианта истории событий 100-летней давности. Вполне возможно даже, что мы являемся свидетелями формирования нового клише о том, что почву для потрясений 1917 года подготавливали вовсе не евреи, а старообрядцы.

Кто украл кларнет?

Важность беспристрастного анализа событий недавнего прошлого трудно переоценить. С подачи президента В.В. Путина в настоящее время группой исследователей ведутся работы по переосмыслению разных этапов истории нашей страны в рамках формирования историко-культурного стандарта. В частности, как сообщалось в прессе, по соображениям объективности и толерантности из школьного курса истории может быть убрано понятие татаро-монгольского ига. Аналогично, в целях унификации терминов, предлагается переименовать Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Поскольку одни исследователи не считают её «великой», а иные вовсе «обидно» называют её «переворотом», в школьной программе на высоком уровне было решено именовать данное событие как ... «Великая Русская революция». Подробнее – в сюжете НТВ.

Как бы комично ни звучало такое нелепое название, произносить которое без грассирования первой буквы в слове «Русской» нам не представляется возможным, анализируемая ниже концепция вполне подходит для подмены понятий в массовом сознании. Подумать только: не картавые марксисты-маргиналы, финансируемые из-за границы, а свои собственные, домостроевские принципы организации старообрядческих общин стали прообразом колхозов!

Вторым свидетельством того, что указанные выше опасения не есть плод воспалённого воображения, является вирусобразное распространение альтернативной теории нофой хронологии Фоменко и Носовского об истории нашей страны. Хотя данные труды на корню отвергнуты профессиональным сообществом, это не мешает ежегодно преумножать их тиражи на пару с неоязыческой и родноверской макулатурой, заполонившей исторические отделы книжных магазинов по всей стране.

А были ли кораллы?

Наконец, третьим штрихом к портрету нашей «теории исторического заговора» мы считаем внезапное расформирование Книжной палаты РФ. Президентский указ от 9 декабря 2013 без какого-либо предварительного обсуждения расформировал орган, ответственный за систематизацию всех издаваемых и хранящихся в библиотеках печатных изданий. Эта служба формировала госархив печати, вела библиографическую базу, пополняла фонды библиотек страны, выпускала государственные библиографические указатели и научно-методический журнал для библиотекарей.

Теперь функции Книжной палаты передаются новостному агентству ИТАР-ТАСС, причём в новом законе функции РКП описываются одним абзацем, касающимся исполнения закона об обязательном экземпляре.

Кто, а главное как и что теперь будет распределять по библиотекам, а что отправится в утиль, очевидно, будет решаться также тихо, как был уничтожен орган со столетней историей. Очевидно, что история, новости и деньги одинаково любят тишину.

В связи с этим мы не исключаем, что уже наши дети ради красивых результатов ЕГЭ будут вынуждены отвечать, что вместо татаро-монгольского ига был Холокост, а наши внуки искренне будут верить, что Земля покоится на трёх китах и черепахе...

Карл – не Клара

Оговоримся особо, что, как и везде, следует различать историю и политику. Прделанное А.В. Пыжиковым исследование, описанное в его книге "Грани русского раскола" – бесспорный научный прорыв, приоткрывающий новый пласт фактического материала. Системный подход к сбору и анализу архивных данных с акцентом исключительно на социально-экономические аспекты жизни старообрядчества конца XIX – начала XX веков даёт богатую почву для дальнейших исследований.

Сайт STAROVE.RU, со своей стороны, хочет предостеречь читателей от скоропалительных выводов и новых клише. Интерпретация данных – процесс творческий, который, в отличие от архивного дела, относится к области **веры**, и она по определению должна быть искренней и беспристрастной. Добрые порывы тех, кто желает инвестировать свои средства в новые исторические исследования, должны всячески приветствоваться. Но в то же время общество должно понимать, являются ли их цели альтруистическими или могут ввести кого-либо в искушение или соблазн.

Мы полностью разделяем мнение Александра Пыжикова о том, что бы он хотел изменить в восприятии истории в современной России, которое он высказал в интервью фонду Егора Гайдара как лауреат премии:

Хотелось бы, чтобы саму историческую науку как можно меньше воспринимали в образе политической служанки, а историков в качестве персон с лицами мыслящих лакеев. Это достижимо только в том случае, если исследователи будут заняты разработкой идей, вызывающих широкий интерес, а не ограничатся заботами по освоению научно-исследовательских бюджетов.

«Грани русского раскола»

Уже проходили: открытка – историческая фальсификация XIX века, показывающая якобы имевшую место встречу Наполеона старообрядцами-безпоповцами под Москвой с хлебом-солью.

Александр ПЫЖИКОВ — главный научный сотрудник РАНХиГС, доктор исторических наук, лауреат премии имени Егора Гайдара в номинации “За выдающийся вклад в области истории”, автор книги “Грани русского раскола” .

Лекция организована Фондом Егора Гайдара в рамках цикла лекций Лауреатов Премии имени Егора Гайдара-2013.

Видеозапись лекции: <http://youtu.be/o5A84CJMATo>

Стенограмма лекции:

Александр Пыжиков: Добрый вечер. Когда я готовил книгу «Грани русского раскола» (а готовить я её начал несколько четыре с лишним года назад), мной двигал только один мотив: попытаться объяснить российскую историю не с точки зрения того, как нам объясняли многие десятилетия (с точки зрения борьбы классов, которая являлась двигателем истории), а попытаться найти какой-то иной подход, который поможет лучше описать многосложные явления в российской истории, которые были за эти столетия. Здесь я нашёл такое звено, а именно — звено в религиозной плоскости. Это религиозный раскол.

Здесь я хотел бы сказать, что сегодня я выскажу четыре основных тезиса, которые я в книге пытался представить, и начну как раз с главного, базисного, это самое главное обстоятельство, которое является фундаментом исследования.

Религиозный раскол в России и Европе

Почему явление религиозного раскола? Вся цивилизация европейская в полномасштабном смысле этого слова прошла через горнило религиозного раскола. И в Европе, и в России это явление было, с той лишь разницей, что в Европе это было чуть раньше, а в России — на сто лет попозже. Но события развивались одни и те же: произошёл религиозный раскол и религиозная стычка между двумя частями общества, в Европе — между католиками и протестантами. Мы же понимаем, что в те времена никаких партий в современном понимании этого слова не существовало, и поэтому роль партий играли как раз эти религиозные дела. Поэтому борьба католиков и протестантов — это явление не только религиозное, но и политическое, и так его и изучают в западной историографии уже много лет, что совершенно справедливо. Я попытался этот подход перенести на нашу историю. У нас были такие же события, такая же была кровавая резня, которая длилась примерно столько же по времени — это кровавая резня между сторонниками древнерусского обряда и приверженцами никоновских новинок. Между ними развернулась борьба, которая прошла через всё общество, затронула все слои и в буквальном смысле этого слова разорвала всю социальную ткань российского общества XVII века. Очевидно, что это происходило в Европе и у нас с задержкой во времени, разницу во времени здесь нужно принимать во внимание.

Но самое главное, на что я хотел обратить внимание и что я считаю самым главным обстоятельством, которое легло в основу книги, и, на мой взгляд, определило ту российскую специфику, о которой не говорит только ленивый уже многие-многие десятилетия. Посмотрите, как завершились религиозные распри в Европе и как раскол завершился в России: в Европе окончание религиозных войн, если не углубляться слишком глубоко, произошло в 1648 году — Вестфальский мир, когда провозгласили известный принцип устройства Европы «чья страна, того и вера». После этого была подведена окончательная черта этому кровавому явлению, это всё ушло в историю. Если вы посмотрите на карту Европы XVII века, то там раздробленная Германия, но все основные государства уже есть, и произошло следующее после этих религиозных войн: католики и протестанты разошлись по своим конфессиональным квартирам, по своим конфессиональным государствам — «чья страна, того и вера».

В одном государственном образовании абсолютное преимущество католиков, в другом — протестантов, и если вы посмотрите на карту Европы, то это несложно обнаружить: Италия, Испания, Бавария, Австрия — это католики, а северные страны, северные княжества германские — это уже протестанты, Дания, Англия, Швеция — это всё протестантские страны. То есть произошла, если так можно сказать (я применяю этот термин для удобства понимания), такая конфессиональная рассортировка в Европе: все разошлись, все осели в своих конфессиональных образованиях, и правящий класс и народ были одной веры. Это самое важное обстоятельство.

Это сыграло свою роль, поскольку, когда противники, столько лет между собой боровшись, уже разошлись, не видя друг друга, всё успокоилось. И это создало почву для возникновения толерантности в полном смысле слова, я имею в виду какую-то либеральную идеологию. Все успокоились: в нашем образовании все одни, в другом — все чужие, давайте как-то ужиться, и либеральные отношения у них появились.

Теперь — что произошло у нас. Закончилась религиозная резня — она была ничуть не менее кровавой, чем в Европе, длилась она всю вторую половину XVII века. Но как она закончилась? В отличие от того, что я говорил о Европе, где мы видим конфессиональную рассортировку между никонианами и приверженцами старорусского обряда, её формально нет. Фактически возобладал принцип «чья сторона, того и вера», но совершенно по-другому возобладал: одни победили других, но остались жить вместе. Это очень важное обстоятельство, на которое нужно обратить внимание: двух России, России никонианской и России древнерусской, не возникло.

Одна сторона оказалась победителями (никониане), а староверы оказались побеждёнными, и проживание их вместе наложило определённый отпечаток: ни о какой терпимости или

возникновении либеральной идеологии говорить не приходится. Если же образно сказать, то если одна компания с другой подрались, одна побила другую, а потом они не разошлись по своим домам, а пошли опять жить в один дом, — понимаете, насколько их взаимоотношения будут трансформированы? Отсюда это своеобразие русского национального пути, здесь, на мой взгляд, и кроется этот ключ: когда между разными людьми, когда они живут вместе, бок о бок, локоть к локтю, есть всё равно какая-то недоговорённость, скрытая вражда, прямые отношения неискренние.

Эта специфика наложила отпечаток на то, что называется социально-психологическим строем общества. В России из-за того, что так завершились наши религиозные войны, всё получилось именно так, и это коренным образом отлично от всех европейских реалий, о которых я только что говорил. От разницы этих обстоятельств, от разницы конфессиональной рассортировки (в одном случае она есть, в другом она не осуществилась) происходят эти разные пути: европейская цивилизация стала формироваться на одних основах, а наша — на других, не совсем близких к европейским. Это, на мой взгляд, база, которая многое объясняет в этой специфике России. Это моя попытка это объяснить, я не говорю, что это истина в последней инстанции, но как одну из версий объяснения русской самобытности я предлагаю её в книге в таком виде, как я вам сейчас описал. Это первый базовый тезис о разнице развития Запада и России.

Статистическое проклятие староверия

Почему этого не видно, почему раньше об этом не говорили? Здесь совершенно объективные причины — дело не в том, что кто-то был менее талантлив, многие талантливые люди занимались историей нашего раскола. Дело совершенно в другом: над нашим русским староверием висит некое проклятие технологического плана. Это проклятие связано с проблемой статистики — никакого другого смысла я здесь не вкладываю. Что я имею в виду: после того, как наши войны завершились, вся резня кровавая закончилась в конце XVII века, и Пётр Первый уже отшлифовывал новое государство в никонианском облики, отшлифовывал новую административную вертикаль, тема староверия просто ушла. Она замазалась, замылилась, и эта раздвоенность России (Россия одна, а раздвоенность её была) ушла в тень — не в действительности, а в той статистике, которая была на тот момент.

Первая статистика староверия, о которой мы можем говорить, связана с Петром I, который провёл первую, говоря нашим языком, перепись населения, где поставил цель выяснить, число налогоплательщиков, он был озабочен именно этой стороной переписи. Там был такой обязательный вопрос: кто относит себя к старообрядцам? Это был первый вопрос, на который надо было ответить в ходе первой всероссийской переписи. Какая была разница? Если ты называешь себя старообрядцем, то разница с православным никонианином была только в одном, по замыслу Петра I, — тогда ты платишь двойной налог. С каждого брали налог, но если ты себя объявил приверженцем староверия, то ты просто платишь двойной налог — и к тебе никаких претензий нет. Это была попытка легализации раскола после жёстких и кровавых войн.

Случилось так, что раскольники, которых было очень много в стране (сколько — никто не знает и, думаю, никто никогда уже не выяснит), просто проигнорировали это предложение Петра I о легализации. Поэтому раскольниками себя объявило 2% населения от тех, кто участвовал в переписи — это мизер в пределах статистической погрешности. Тем более что церковь была настроена таким образом: мы проводим работу, мы их разубеждаем, мы им доказываем, что они не правы, мы их пытаемся вернуть в русло никонианской церкви, и плоды нашей работы таковы, что не предполагают увеличения числа раскольников. Поэтому вся статистика, которую вела духовная администрация на местах и в центре, потом уже Синод (с 1721 года) этим занимался, никогда не показывала роста староверия, поскольку не была в этом заинтересована. Им это было просто не нужно, потому что тогда возникли бы вопросы, чем они вообще занимаются. Это такая типичная бюрократическая ситуация.

Она сохранялась всё время: первая перепись показала, что 2% населения относят себя к староверию, и последняя перепись, которая была в Российской империи в 1897 году, при Николае II, показала абсолютно те же 2%. Эти два пресловутых процента сопровождают историю старообрядчества на протяжении всего периода времени с Раскола и до 1917 года.

Если оперировать данными официальной статистики, то разговаривать просто не о чем, поскольку речь идёт о какой-то статистической погрешности. Проблемы нет. О ней и не говорили, особо не вспоминали — самих староверов эта ситуация устраивала: зачем им лезть на рожон? Этот пресс они всегда ощущали над собой, и эта раздвоенность России всегда существовала, всегда чувствовалась. Я её со своей стороны пытался понять очень трудным способом — это когда нужно работать исключительно с региональными материалами, с какими-то газетами, воспоминаниями о конкретных местностях. Когда их начинаешь собирать, это я по своему опыту уже знаю, то возникает картина, что по документам все православные; старообрядцев — 2%, 3%, где вообще 1%, где вообще никого. На самом деле те люди, которые знают реальную жизнь каких-то уездов и губерний, сообщают о том, что количество старообрядцев огромное. В цифрах это схватить нельзя, мы можем это только схватить по тем авторам, которые отразили это в своих мемуарах, заметках, краеведческих работах, статьях — такие статьи есть, их выуживать и вылавливать очень трудно, это очень трудоёмкая работа. Поскольку я один всем этим занимался, то я сделал сколько мог, и по разным областям выясняется, что делалось это именно таким образом. Раздвоенность России существовала всегда, но её никогда никто не рассматривал, все исследователи добросовестно оперировали этими 2%, а раз так, то и говорить было не о чем.

Была попытка всё-таки выяснить, что же на самом деле. Этой попыткой занимались не только учёные и исследователи того времени, эту попытку масштабную предприняла власть в лице императора Николая I. Это очень важное обстоятельство: ни Екатерина II, ни Александр I не уделяли этой проблеме такого внимания, поскольку эти либеральные правители действовали в таком, как они говорили, просветительском ключе — не надо выпячивать какие-то религиозные разногласия, которые там где-то вроде существуют, давайте мы их сгладим, поэтому говорить о них мы остро не будем, а наоборот. Екатерина в русле этого даже пошла на такой шаг, что в 1782 году вообще отменила двойную уплату податей с тех, кто объявил себя раскольниками. Она была убеждена, что она следует европейской практике, что если она будет ей следовать, то всё сгладится, и будет в конфессиональном плане однородный материал.

В Европе, куда она смотрела, так и было: здесь — однородный католический, там — однородный протестантский. А здесь — однородный православный. Но какого — никонианского или староверческого — разлива? Вот это была большая разница, а она решила, что это неважно, детали, на которых не стоит останавливаться, всё равно всё будет нормально — европейский опыт перед глазами, а она ему следовала. Александр I, как известно, следовал тому, чему следовала бабушка.

Николай I поначалу, когда ему досталось это хозяйство, тоже не проявлял интереса к этой проблеме, но потом проявил, ближе к концу своего царствования. Умер он, как известно, в 1855 году, у него царствование было долгое, тридцатилетнее; так вот, в конце царствования он очень сильно озабочился тем, что происходит на самом деле, поскольку были сигналы от МВД. Департамента полиции тогда не было, но МВД сигнализировало, что всё не совсем так хорошо. Поводом, почему Николай решил заняться этой проблемой, была достаточно курьёзная ситуация: он был очень озабочен революционным движением на Западе, которое в развитых странах набирало популярность под социалистическими и коммунистическими флагами — я имею в виду Сен-Симона, Фурье, Оуэна, у которых появлялись приверженцы уже в 30е годы XIX века во Франции, в Англии. Он боялся, что это будет у нас как-то проявляться, и не падёт ли эта социалистическая пропаганда на какую-то почву у нас, что найдутся какие-то люди, которые готовы её воспринять, поднять и устроить смуту в империи. То есть сугубо охранительные, конечно, цели были, у Николая I они преобладали всегда, как вы знаете.

Он решил выяснить, что здесь такое. А поскольку местной администрации, как гражданской, так и духовной, верить нельзя — они все рапортуют, что староверов меньше, а теперь — ещё меньше, работаем мы прекрасно, всё идёт отлично, православие мы держим, чтим, — то тогда Николай I сделал разумную вещь в этой ситуации. Он решил сформировать три экспедиции в три губернии (Нижегородскую, Костромскую и Ярославскую) с одной целью: вы выезжаете туда на два с лишним года и выясняете, что там происходит на месте, в народных низах, сколько приверженцев староверия, и как это соотносится со статистикой, которая приходит с мест и откладывается у нас в центральном аппарате МВД.

Мы это хорошо знаем о Ярославле, потому что в ярославскую экспедицию попал Иван Сергеевич Аксаков, будучи чиновником МВД, ему было 27 лет. Он вошёл в состав этой комиссии, если по-нашему говорить, и прожил два с лишним года в Ярославле, с 1849 по 1851 год, объездил всю Ярославскую губернию, всё изучил. Вердикт всех этих комиссий — и Ярославской, и Нижегородской (а в Нижегородской работал ещё один известный исторический персонаж — Мельников-Печерский, тоже молодой ещё; он был из местных, но его туда взяли как знатока, он проявлял интерес всегда к староверию), и Костромской — все три комиссии доложили в Петербург, что ситуация такая: по их скромным прикидкам, староверов в 10-11 раз больше того количества, которое заявлено в официальных документах. Потом все трое независимо друг от друга сделали такое дополнение: это совершенно не отражает сути дела — староверов гораздо больше, чем в 10-11 раз, они сказали, что точно установить невозможно. Кстати, опубликована переписка Аксакова, когда он находился в Ярославле и писал своим родным, и там как раз делился своими впечатлениями от увиденного. У него был такой взгляд: определить невозможно, поскольку по документам все православные, начинаешь всех спрашивать, ездишь по уездам губернии — все православные, но через полгода поняли и начали выяснять, что они не то что никакие не

православные, они все староверы, да к тому же ещё и беспоповцы — то есть им абсолютно безразличны священники, церковь и всё, что с этим связано. Поскольку беспоповство, как вы понимаете, отличается от поповства в староверии, потому что оно отказывается от иерархии: нет священников, нет иерархии, нет таинств, нет ничего.

Вот такие данные пришли в Петербург, их изучило МВД, передало Николаю I, и он понял, что ситуация очень серьёзная, поскольку все эти документы, которые официально находились в МВД, вообще ничего не отражали. И эта цифра — 10-11 раз, которую я назвал, которая была в докладах этих комиссий представлена, — как-то укоренилась, поскольку она очень определённая, и все стали считать, что именно так всё и обстоит. Поэтому вся общественность, когда говорила о староверии, добавляла: сколько у вас их там — значит, в 10-11 раз больше. Это стало таким общепризнанным местом, и когда в 1897 году перепись опять дала те же пресловутые 2%, о которых я уже говорил, то вся общественность, газета «Русские ведомости» и другие газеты того времени писали: 2% или 20%? То есть опять в 10 раз больше. Этот штамп остался благодаря усердию Николая и его чиновников.

Как я сказал, эти проверочные комиссии по выяснению численности были проведены в трёх губерниях. Материала было достаточно, но самое главное — силами МВД было выяснено ещё одно обстоятельство. Я перехожу к третьей своей позиции, о которой сегодня хотел сказать. Первая — это раскол и то, в чём специфика религиозного раскола на Западе и в России, базовая, я считаю, вторая — это проблема статистики, статистическое проклятие, которое много десятилетий не давало возможности изучать, поскольку отсылали к статистике и сразу тему закрывали. Я решил тему не закрывать, а, наоборот, её открыть. И вот здесь вот открылось важное обстоятельство. Я закончил на том, что сказал про эти комиссии Николая I. Так вот, они не прошли бесследно. Во-первых, МВД очень сильно работало по самому центру староверия, каковым в российском масштабе являлась, естественно, Москва. Здесь достаточно было чиновников, посылать было не надо, всё-таки вторая столица, и выясняли, каков механизм вот этого староверия.

Экономика староверия

Я напому, хотя вы прекрасно это знаете, что староверие — это не просто религиозное течение. Так получилось в нашей истории, что староверие превратилось к правлению Николая I, к 1830 годам, в конфессионально-производственную корпорацию, потому что весь русский рынок осваивался именно староверами. Дворянство никогда не стремилось заниматься какими-то торгово-коммерческими делами внутреннего характера: экспортные и импортные потоки — да, отношения с иностранными предпринимателями — абсолютно да, это была прерогатива дворянства, и они туда, кто хотели, шли. Снабжение внутреннего рынка какими-то товарами — это всегда у дворянства вызывало какое-то пренебрежение. Вспомните даже у Гончарова Обломова: его Штольц пытается заставить чем-нибудь заняться, а он кричит: «Ты хочешь из дворянина ремесленника сделать!». Здесь очень метко отражена психология дворянства, оно этим и занималось. Староверие нашло в этом очень хороший способ для поддержания своего существования, своей веры, своих единоверцев, и поэтому с периода Екатерины II, когда была объявлена свобода предпринимательства, когда любой, кто способен проявить инициативу и заниматься торговлей, мануфактурами какими-то, даже не только мелким ремесленничеством, а

крупным, если есть деньги, какой-то капитал, то именно староверческие слои кинулись на внутренний рынок и принялись его интенсивно осваивать. Поэтому у нас на ресурсах внутри российского рынка выросла такая конфессионально-промышленная корпорация.

Она строилась по староверческим связям, которыми была опутана вся Россия и которые были понятны только им, членам этих староверческих согласий. Это была хорошая база, и на основе этого на внутреннем рынке появились очень крупные купеческие династии. Сначала это радовало всех, Александра I это радовало, Николая I это тоже сначала не огорчало, но в конце царствования его сильно это огорчило, особенно после этих комиссий, о которых я сказал.

Выяснилось, что происходит на этом рынке. И Екатерина I, и Александр I, и Николай I думали, что происходит капиталистическое развитие — а что, собственно, должно происходить? Мы к этому стремимся, пусть все занимаются, сейчас тут вырастет капитализм. Но получилось совсем иначе: уже Николай I к концу 1830х и в 1840х годах понял, что никакого капитализма не вырастает, а вырастает совсем другое. Он очень боялся, что будет какое-то влияние европейских социалистических деятелей на Россию, что это как-то здесь устроит смуту, но потом он быстро понял, что это не работает, что это здесь никому не нужно, а есть другое явление, о котором он даже не подозревал. Это всё выяснилось силами чиновников МВД, все эти материалы есть, они все отложены в архиве, я их смотрел и в петербургском архиве РГИА, и в нашем ГАРФе, выяснял, что же происходит. Происходит очень интересное: до середины XIX века на внутреннем российском рынке рос не капитализм, а росло то, что, на самом деле, к капитализму в нашем понимании и даже в понимании той эпохи не имело отношения, совсем другие явления. Что сразу удивило полицию — то, что понятие первоначального накопления капитала там отсутствовало.

Мы помним по Марксу, что первоначальное накопление капитала есть, у него такие-то черты, мы это знаем; а здесь оно не то что было маленькое — его не было вообще. Это очень поразило чиновников, которые этим занимались. Самый хрестоматийный пример — это Савва Морозов, который работал по найму за 5 рублей в год, а потом вдруг пришёл и объявил, что он хочет вступить в третью гильдию купечества, в низшую, а для этого надо было объявить капитал в тысячу рублей; и он эти деньги принёс. Это было совершенно непонятно — откуда у человека, который работает по найму за 5 рублей в год, тысяча рублей, которую он может выложить и сказать: я теперь буду купцом третьей гильдии, буду мануфактуру какую-то делать или торговлю расширять.

Савва Морозов — это пример хрестоматийный, но это по всей стране было: люди, которые были никем, в мгновение ока становились владельцами целых мануфактур, объявляли огромные капиталы. Никто не понимал, откуда это, поэтому всегда криминальный шлейф сопровождал все эти дела: это кто-то кого-то убил, кто-то клад нашёл, бандиты — что-то такое, как это обычно бывает. Может быть, что-то в каких-то случаях и было, но магистральное понимание этой ситуации в другом: это общинный капитал.

Раскольничьи центры (Рогожское, Преображенское кладбище в Москве — самые крупные) были не только духовными и религиозными центрами, как считается, это были артерии распределения капитала, финансовые артерии старообрядческого мира. На общинные деньги основывались производства, какая-то коммерция, какая-то торговля, но цели у этого производства было не получение прибыли, как думаем мы. Цель была совершенно иная: обслуживать потребности своих единоверцев. А для того, чтобы это предприятие хорошо работало, туда раскольничьими советами и наставниками делегировался кто-то из тех, кто способен хорошо этим руководить, осуществлять коммерцию, торговлю или руководить конкретной фабрикой. То есть не получение прибыли этим человеком и членами его семьи самое важное.

Николай I думал, что всё происходит по гражданскому праву (собственно, как оно иначе может происходить), но староверческая среда порождала совсем другой тип хозяйства, который очень сильно напоминает то, с чем мы столкнулись потом, после 1917 года, т. е. то, что мы называем советской властью. Я думаю, вы понимаете, что советская власть и все социалистические мотивы были, конечно, навеяны не Сен-Симоном, Фурье и Марксом с Энгельсом, а сидели внутри Российской империи. Я всегда говорю, что Российская империя была беременна той моделью, которую потом мы называли советской. Эта модель, как я сказал, не нацелена на получение

прибыли, она нацелена на удовлетворение потребностей. Социальная функция — главная, а не коммерческая, и эти хозяйства между собой не конкурировали, а их отношения строились на солидарной основе: нужно помогать друг другу. Как в социалистической экономике предприятия не конкурируют друг с другом, так и там было нечто подобное.

Это важный момент, который меняет очень многое в понимании пути российской истории. Те реалии, которые власть в лице Екатерины II, Александра I и Николая I продвигала (свободное предпринимательство, утверждение капиталистических отношений и ценностей), порождали совсем другие. Это произошло из-за того, о чём я говорил: не произошло конфессиональной рассортировки, были угнетённые, дискриминированные, они получили шанс заниматься каким-то делом, и они начали им заниматься, чтобы выжить в чуждой для них никонианской среде. Совместное проживание отторгало капиталистические ценности, и если правительство пыталось их утвердить и Екатерина II и Александр I всё делали, как в Европе, то здесь рождалось нечто совершенно другое. Они этого не понимали ещё тогда, понял это в полном смысле Николай I. Когда он это понял, он решил: да нет, так дело не пойдёт, с этим нужно что-то делать. И когда он выяснил, что количество староверов вообще непонятно какое, что сосчитать сложно, то тогда он решил: всё, хватит, мы запускаем репрессивную машину.

Всю староверческую экономику, весь этот непонятный капитализм нужно разрушить и ввести его в нормальное гражданское правовое поле, чтобы он регулировался Сводом законов Российской империи. Поэтому 1853-1863 годы в историографии называются (где-то в историографии прочитал это название, оно мне понравилось, это кто-то из Института истории его употребил, не помню сейчас, кто) «мрачное десятилетие» для староверия.

Как он собирался осуществлять репрессивное давление на староверие? Началось всё с того, что те, кто возглавлял староверческие предприятия, не являлись их владельцами, они являлись управленцами или, по-нашему говоря, наёмными менеджерами. Поэтому, если что-то не так, отошёл от веры или ещё какие-то негативные обстоятельства, то совет этих наставников мог сменить владельца, а это совершенно непонятно. Поэтому учёные фиксируют в купечестве первой половины XIX века движения, ротацию. Она была очень сильной, начиная с Екатерины II: были одни купцы, потом они целиком сменяются на других, не было ещё такого устойчивого костяка, не было ещё купеческих династий в том смысле, о котором мы дальше будем говорить, была большая циркуляция предпринимательских кадров на внутреннем рынке. Это было тоже непонятно, но Николай I понял, что это определяется не какими-то законными мерами, а какими-то иными мотивами непонятного характера, которые он счёл, конечно, преступными.

В 1853 году в Москве один купец Федосеевского согласия умер, а его наследство ждал его племянник, но племянник отошёл от веры староверческой, и поэтому совет наставников Преображенского кладбища решил, что наследнику ничего не надо, они быстро всё переоформили, и наследство досталось кому-то другому, а наследник остался ни с чем. Наследник обиделся и пошёл в полицию, заявил: что ж такое, я ждал столько лет, пока дядя болел, а теперь такое происходит. Это всё легло на благодатную почву, дело сразу же поднялось до самого верха, до Николая I, и был дан сигнал, что всё это Преображенское кладбище разогнать, всех сослать, арестовать. И тогда арестовали Гучкова, сослали его в Петрозаводск, сослали ещё целый ряд наставников, Преображенское кладбище закрыли, останавливаться уже не хотели — всё это перекинулось на Рогожское кладбище, там то же самое было: всё закрыли, алтари запечатали. А всем предпринимателям и купцам сказали очень простую вещь: если вы хотите и дальше продолжать свою деятельность предпринимательскую, то вы должны принести справки, что вы все православные или единоверцы (это такая форма для староверов, которая утверждена Синодом, которая не пользовалась популярностью у старообрядцев никоим образом).

Наступил час X для староверия: нужно было уже определяться — или лишиться всего, или принимать эти правила игры, которые жёстко обозначены властью, или делать вид, что эти правила игры приняты. Уж не знаю, насколько делали вид или не делали, но это всё произошло: поток пошёл какие-то справки приносить, а те, кто отказался справки приносить, переводились из своего купеческого состояния на временное право сроком на один год. А это очень нарушало все коммерческие дела, потому что через год у тебя всё это могли отобрать, и кто с тобой будет работать, заключать какие-то договоры, вести какие-то коммерческие отношения, когда это всё может прекратиться? Естественно, с коммерческой точки зрения это катастрофическое положение.

Но кто-то и на временном праве остался, большая часть побежала переоформляться (не знаю, насколько это было искренне, скорее всего, конечно, нет). И привело это к одному очень серьёзному обстоятельству для российской экономики: когда выяснилось, что те люди, которые на данный момент, 1853-1855 год, начальные годы этого «мрачного десятилетия», были приставлены к определённым активам (фабрикам, торговым домам), – выяснилось, что их от этих активов отстранить нельзя, потому что власть стала очень жёстко следить за этой циркуляцией.

Если ты хозяин, то ты должен всё передавать по наследственному праву — никакие другие обстоятельства в расчёт не принимаются, если ты этого не сделал, то у тебя всё это отбирается. Поэтому все те, кто в данный момент был управленцами, уже никуда не могли деться. И второе: они очень быстро поняли, что это открывает очень хорошую возможность и теперь они будут зависимы не от единоверцев и каких-то советов, которые могут предъявить претензии в силу каких-то обстоятельств, а от имперского закона, который теперь уже на их стороне, и это намного приятнее.

Тут произошла трещина: вся староверческая модель солидарная, общинная, коллективистская треснула и стала сыпаться со стремительной силой. Шок был в староверческом мире огромный. В 60е-70е годы XIX века все уже прекрасно понимали, что произошло. Всех объявили предателями, там были очень сложные ситуации, у одного из детей Гучкова даже дочь заживо сожгли, были эксцессы очень сильные — ну, понятно, потрясение было огромное. Но мы все эти потрясения прекрасно знаем, потому что советская историография их описала. 60-70 годы, особенно середина 70х годов, это рабочее движение, любимое детище советской историографии, о котором она говорила, что какие-то интеллигенты, народовольцы поднимают народ, указывают путь в будущее, они предшественники партии и т. д. Это всё, конечно, полная чушь и не имеет никакого отношения к действительности. Всё абсолютно рабочее движение обусловлено теми внутренними процессами, о которых я сейчас пытаюсь вам рассказать. И произошёл разрыв: вся эта группа стала устойчивой, и именно с 60х годов, что зафиксировано нашими учёными, которые всю эту статистику купеческую смотрели очень тщательно, с середины 1860х годов прекращается, минимизируется ротация купеческих кадров. Если раньше циркуляция была очень большая и необъяснимая, то теперь она исчезает. Я объясняю это именно этими причинами: те, кто есть, те и остаются, остаются их дети. И именно 60е годы — это основа формирования всех купеческих династий, которые дошли благополучно до октября 1917 года, это всё берёт свои корни именно там, в 60х годах. Рабочее движение — это рабочее движение, оно было. Всё это закончилось, все эти люди уже стали собственниками в прямом смысле этого слова, они приняли все эти правила капиталистической игры, уже ориентировались только на закон и на официальный рынок, уже пошла полноценная капиталистическая ориентация.

Противостояние Москвы и Петербурга

И вот тут — пункт четвёртый, к которому я перехожу. Возникает такое явление в российской истории. Западные историографии говорят: начало всем известнейшим купеческим династиям положил не кто иной, как Николай I. В этом смысле — да, потому что он своей репрессивной политикой (а он человек был очень жёсткий и решительный, как вы помните, долго не думал) очень сильно рубанул, всё перерубил, всё это разгромил, и это действительно привело к таким последствиям, которые остроумно замечены западными учёными. И вот на сцену российской истории вступает московская финансово-промышленная группа — ещё крестьяне, которые вышли из крестьянской среды. Они совершенно не адаптированы к каким-то элитным делам официальным, потому что всегда черпали свои источники с внутреннего рынка, с подпиткой общинных капиталов, которые получали из раскольничьей кассы. Ещё в конце XIX века дореволюционные исследователи говорили, что начало всем крупным московским купеческим состояниям положено из раскольничьей кассы. Все эти замечания справедливы, они меня наводили на мысль, что нужно идти и копать дальше по этой линии, чем я и занимался в этой книге.

И вот этот московский промышленный клан представлял из себя огромную силу. Какую — это очень быстро поняли, а именно в 1868 году, потому что в 1868 году правительство объявило конкурс на продажу Николаевской железной дороги между Петербургом и Москвой. Это самое

прибыльное было, ещё железных дорог было немного, и, естественно, это всё должно было достаться определённому коммерческому обществу, где учредителями были французские капиталисты и аристократические семьи, приближённые к императорскому двору. Лоббировал их, естественно, министр финансов Михаил Христофорович Рейтерн. И вот тут они столкнулись с тем, что вышла московская заявка коллективная, причём эта заявка поразила финансовой мощью. Московское купечество сказала: а вот мы хотим, чтобы нам досталась эта железная дорога, и мы для этого собираем капитал, и в чём была особенность: без гарантий. Это самое главное: нам не нужно никаких правительственных гарантий, это просто чистые деньги. Тут все опешили, Рейтерн тоже опешил, конечно, потому что здесь предполагалась гарантия на облигационный капитал, вся эта система была очень разработана, а тут — очень прямой, откровенный был заход. Кабинет министров, естественно, проголосовал за московскую заявку, поскольку она была в финансовом отношении настолько выигрышна, что любой, даже не искушённый в финансовых делах человек, отдал бы предпочтение ей. Министры были люди разумные, они сказали: ну да, что тут говорить. В итоге на заседание кабинета министров пришёл Александр II, он имел право вето, и он сказал: нет, всё будет по-другому, всё получают те, кому это предназначалось.

Кто помогал московскому купечеству это всё делать? У московского купечества, у этих вчерашних крестьян, появились союзники во власти. Союзников во власти, конечно, было немного, не каждый был готов с ними общаться. Но оказалось, что готова общаться некая часть элиты: это славянофилы, группа Каткова, князь Мещерский Владимир Петрович, который был другом Александра III. Он и назвал этих людей «русской партией»: русской партией мы будем бороться за русские интересы, а эти ребята купеческие будут нашим экономическим отделом — они книжек писать не могут, зато дело делают хорошо, поэтому мы будем выражать их интересы. Потому что они отлично поняли, что огромный поток, как сейчас финансисты говорят, cash flow идёт, и, конечно, приобщиться к этому желали все, кто хотел вообще связываться с этим.

Катков и Аксаков, например, очень тесно были связаны с этими купеческими кругами, Самарин — все абсолютно. Они работали в тех купеческих структурах и получали за это огромные деньги, они выражали интересы этого московского купеческого клана. Сформировалась полноценная финансово-промышленная группа, которая имеет опору в элите, в такой элите национально ориентированной, как они сами себя называли. Им противостояла совершенно другая группа — группа петербургская, которая формировалась совсем по-другому: это абсолютно аристократическая дворянская группа, которая начинала средний и крупный бизнес исключительно с помощью власти, с помощью казны, с помощью каких-то административных решений, административной поддержки. Они обладали административным ресурсом, они сами были тесно переплетены с этой властью родственно и всячески. Московская купеческая сила выросла на староверческом корню.

Очень важно понять, что для меня это обстоятельство не играет большой роли для дальнейшего исследования, потому что да, они выросли на староверческом корню, но потом расцветка была очень разнообразная: кто-то старовером остался, кто-то стал единоверцем после репрессий Николая I, кто-то в православные перешёл. Я не смотрю на это с точки зрения, практикующий это старообрядец или нет, или он практикующий единоведец или православный. Для меня это не важно в данном случае, для меня главное — понять, что даже несмотря на то, практикующий или не практикующий, у них была финансово-экономическая общность, были общие интересы, они их очень тесно спаивали. Даже такой известный представитель купечества, сыгравший большую роль на последнем этапе жизни империи, как Александр Иванович Коновалов, был официально православным, а дед его — старовер, и Мельников-Печерский в «В лесах и на горах» пишет о его дед в Костроме самые хорошие слова. То есть его дед был старовер, а он — уже нет, но что, из-за этого Коновалов-внук не участвовал в делах этого клана? Да он не просто участвовал, он был одним из главных действующих лиц, он работал вместе с Рябушинским, который был старовером, с Хлудовым, который был единоверцем, и со многими другими.

Самое главное обстоятельство — что московский промышленный клан был внебюрократического происхождения, это то, на чём я акцентирую внимание, а петербургский клан — продолжение чиновничьих коридоров. Я не говорю, что это плохо, просто это капитализм сверху — вот что такое петербургская буржуазная группа, с активным и широким привлечением иностранного капитала. Она активно участвовала во всех делах придворного и околоправительственных кругов, контактировала со всеми с ними. Здесь — совсем другая картина, здесь капитализм снизу вырос, с

этой конфессионально-промышленной корпорации, вырос, сформировался в силу всех этих метаморфоз николаевских, вышел на эту арену, нашёл союз, нащупал опору в этой славянофильской среде, вышел и стал бороться за место под солнцем.

Началось столкновение двух кланов: петербургский считал, что мы вообще-то хозяева экономики, но тут выросла эта группа и сказала: нет, вот мы — истинно русские люди, а вы непонятно кто, немцы-французы, иностранный капитал; а вот мы все здесь сами, мы на этой земле выросли, поэтому, образно говоря, контрольный пакет экономики должен принадлежать не вам, а нам.

Первое столкновение в 1868 году вокруг железной дороги (это крупнейшее дело было, газеты только и писали об этом) показало, что схватка началась. Александр II дистанцировался от клана московского купечества, но относился лояльно: в 1863 году он пошёл им навстречу, снял все эти ограничения своего отца, смягчил (он тоже же был такой либеральный, Александр II), дал понять, что это надо ценить — те и ценили это, естественно. Он снял и временное право; Николай I запретил им государственные награды давать — Александр II сказал давать награды, пожалуйста. Но он знал границу, это чётко видно по документам: когда кто-то из его приближённых пытался как-то лоббировать интересы каких-то конкретных староверческих дел, то он всегда в этом относился негативно. То есть можно сказать так: у Александра II такая была политика, что я вас всех люблю и уважаю, но приближаться ко мне не надо, всё нормально, всё хорошо, но не надо ко мне приближаться. Вот те ему кланялись издалека.

Тут случился очень хороший поворот: Александр III взошёл на престол, и это совсем иное было. Александр III, ещё будучи наследником, попал под воздействие всех этих людей, о которых я говорю. Мещерский был его другом, он организовал кружок, который посещали Самарин, Аксаков, Катков, Достоевский, Мельников-Печерский туда же приезжал и рассказывал о староверии будущему Александру III, там был и Победоносцев. Все эти рассказы о староверах ему не очень нравились, поскольку, понятно, он был человеком православным, ориентированным на господствующую Церковь, он не мог это воспринимать, и вся эта дружба его друзей по отстаиванию национальных интересов со староверами ему не нравилась, но они над ним посмеивались дружески и продолжали делать своё дело.

Этот кружок стал править бал при Александре III. Александр III сократил дистанцию, которую держал Александр II, он пошёл в обнимку, сказал: да, это люди настоящие, тут происходит такое охлаждение с Германией, он говорит: эти немцы, как Катков говорил, всех их выставить надо, немцев отдалили, на французскую биржу все перешли. Протекционистский тариф: все купеческая буржуазия требовала, чтобы был высокий тариф — сделали при Александре III самый высокий таможенный тариф в Европе, и делало его московское купечество, Менделеев и министр финансов Вышнеградский, это хорошо известно. Всё — наступила наконец-то эпоха расцвета староверия. Вся московская группа стала усиливаться огромными темпами, они поняли, что ещё чуть-чуть — всё, контрольный пакет экономики будет у них.

Александр III скоропостижно умер, как вы знаете, не дожив до 50 лет чуть-чуть, на престол вступил Николай II. У него был министр финансов Витте, который достался от Александра III, тот говорил, чтобы он его сохранил. Витте, на самом деле, что самое интересное, был абсолютно черносотенный человек. Это удивительно для многих. Поскольку Витте — это питомец своего дяди, Ростислава Фадеева, который был идеологом русской группы, писал манифесты один за одним, строчил «тетради» — послания всякие националистически ориентированные. Витте печатался в газете «Русь» Аксакова, в «Московских ведомостях» Каткова, то есть это был свой человек. Московское купечество было радо, что Витте — министр финансов. Вышнеградский тогда заболел, у него случился инсульт, и он не мог уже работать, вынужден был оставить активную деятельность и вскоре умер. А Витте — достойный преемник из тех же сил, которые опекали московскую группу, никаких проблем не было. Но Витте очень сильно изменился к середине 1890х годов, и он сделал страшную вещь для московской группы. Он объявил, что приоритет будет иной в экономике, а именно: ждать, пока лучшие люди страны, московское купечество, вырастут до серьёзных масштабов долго, мы безнадёжно отстанем от западных стран, поэтому мы для ускорения нашего развития, для нашей модернизации привлекаем иностранный капитал. Во второй половине 1890х годов иностранный капитал просто хлынул сюда, в Россию, это был невиданный поток, такого массированного потока никогда раньше не было.

Это сознательно делалось и всё это происходило не напрямую, естественно, а через группу петербургских банков. С конца XIX века петербургские банки резко усиливаются, резко вырываются вперёд. Они стали обслуживать все инвестиционные потоки, их влияние в экономике стремительно возросло, они начинают устанавливать контроль не просто над какими-то предприятиями, а над многими отраслями промышленности. Тут московское купечество поняло, что конкурировать оно с ними в таких условиях не может. Петербургский бизнес и был всегда недругом, а теперь стал просто главным врагом. Правительство затащило сюда иностранный капитал, что проходит ещё 20 лет — и мы не то что без контрольного пакета экономики, а жалкими миноритариями останемся, нас никто спрашивать ни о чём не будет.

Вся московская группа оказалась в очень сложной ситуации. Но это была очень верноподданическая группа — я вам говорил, что они общались со славянофилами, с Катковым рядом сидели; кто-то их пытался втянуть в революционные дела — да они и слышать не хотели ни о каком Герцене с Огарёвым, ни о каких газетах, ни о каких народниках, они их видеть в глаза не хотели никого. Если появлялся такой, то надо сдать его в полицию быстрее, пока не убежал. Это была группа, далёкая от всех идей, кроме верноподданических — промонархическая, прославянофильская полностью. А здесь с купеческой элитой случился переворот: они поняли, что больше эта идеология, которой они придерживались и думали, что поэтому лавры будут у них и всё получится, теперь они поняли, что ничего не получится, если держаться той же идеологии верноподданической — она не работает. С нами так поступили, нас просто сделали разменной монетой в своей игре — вот и всё; мы думали, что они нам всё, а в итоге что мы получили? Медленное умирание — вот что мы получили в итоге! Значит, что нужно сделать: нужно ограничить самодержавие и правящую бюрократию. Поэтому мы оставляем всех этих славянофилов, Шарапова (Катков и Аксаков, к счастью для них, умерли и не увидели это всё, Шарапов еле-еле пережил и в 1908 году умер), всю эту публику отодвигаем от себя и кидаемся навстречу тем, кто продвигает либерально-конституционные ценности. С одной целью: нужна конституция, а не выражение верховной воли, а то мы уже видели, как он выражает свою верховную волю; этого нам не надо, поэтому надо это ограничить, мы тоже хотим влиять законодательно, а не верить на слово Витте и другим министрам из высшей бюрократии.

И эта вот правоверная славянофильская купеческая элита переходит на либерально-конституционные рельсы, и с этого времени начинается последний отрезок империи, последние 20 лет до 1917 года. Если раньше борьба носила экономический характер, то теперь она приобретает явный политический оттенок: они финансируют культурно-просветительскую инфраструктуру для распространения либеральных демократических ценностей. Это и МХАТ, который заказывал пьесы Горького, издательства Сытина и Сабашникова, Третьяковская галерея, частная опера Мамонтова — это всё огромная дорогостоящая инфраструктура, нацеленная на то, чтобы распространять либерально-конституционную идеологию, в чём они были полностью заинтересованы. Они начинают контактировать со всеми революционными кружками, которые к этому времени как раз превращаются в партии. Логика была простая: профессора-то — это хорошо, если они будут в аудиториях доказывать необходимость конституции, но если за углом ещё кто-то бомбу кинет, то это поубедительнее будет выглядеть. Поэтому они были такой связующей силой, которая работала по всему фронту оппозиционного движения, силой, которая и контактировала со всеми, и, главное, обладала финансовым ресурсом для реализации этих целей, поскольку не все дворяне были богатыми. В земстве, конечно, такие были, но никто не мог сравниться с крупнейшими фабрикантами центра России, которые, естественно, проживали все в Москве.

Накал этой борьбы привёл к тому, что мы называем 1905 годом. У нас говорят, что это всё была кропотливая работа партии большевиков, которая мужественно продвигала и готовила. Никакая партия большевиков, никакой Ленин никакого отношения к событиям 1905 года не имеют, это абсолютный факт. Более того: когда я смотрел документы, то у меня сложилось впечатление, что они, поняв, что что-то назревает (они же все приехали сюда, включая Владимира Ильича), собирались развернуть действия в Петербурге и там даже съезд назначили, и туда съезжаться начали в начале декабря 1905 года — и Ленин там был, и Горький там был. Потом узнали с удивлением, что какие-то бои начинаются совсем в другом месте — в Москве, и все из Петербурга, включая Горького, сломя голову помчались в Москву, чтобы понять, что происходит, и включились в эту ситуацию. Потому что главной движущей силой были никакие не революционные партии тогда, главной движущей силой событий в Москве, включая вооружённые восстания, были те, кто с полным правом мог считаться хозяином города — это купеческая буржуазия.

Создание Государственной Думы — это плод этих событий, Государственную Думу они пытались сделать, пробивали её, пробили, сделали. Потом был период апробации, когда они думали, как будет работать новый политический формат, думский формат. Потом поняли, что формат этот не работает, и всё началось по-новой и закончилось уже февралём 1917 года, когда высшая бюрократия была сметена. Причём царя как такового никто сметать не собирался, они просто хотели убрать Николая II с супругой и поставить Михаила Александровича или наследника и сделать нечто подобное конституционной монархии: царь есть, правит, но ничем не управляет, а управляем мы через Государственную Думу и другие политические и (в первую очередь) экономические механизмы. Поэтому главным бенефициаром всего этого революционного движения, как выяснилось в феврале 1917 года, и была купеческая буржуазия. Это был её триумф, это видно по всей периодике абсолютно, открытым текстом — просто нужно было побольше посмотреть, зачерпнуть газет, и достаточно полная картина уже вырисовывалась.

Единственное только обстоятельство: если 1905 год они делали собственными силами, то к февралю у них появился один союзник. Это уникальное явление в российской истории: представитель высшей бюрократии оказался полным союзником купеческого клана. Это Александр Васильевич Кривошеин. Я думаю, что вы все знаете, он имел важный пост — главный управляющий по землеустройству и земледелию, это министерский пост так назывался, сподвижник Столыпина, любимец императорской четы. Он в своё время женился на одной из родственниц Морозова и тем самым вошёл в этот купеческий клан и стал там своим, а после того, как он поступил на госслужбу и стал продвигаться (а его патроном был Иван Владимирович Горемыкин, такой был министр МВД и премьер-министр, который его поднимал по этой лестнице), то он стал просто находкой для московского купечества, поскольку впервые в их рядах появился человек хоть и не старообрядческого происхождения, но связанный с узлами с ними, причём на самом Олимпе, любимец императорской четы, главный бюрократ, один из самых способных людей.

Вместе с ним они пытались сделать такой парламентский проект. С 1914 года они начали это делать, именно их усилиями был устранён министр финансов Коковцов, который, естественно, был на стороне петербургских банков, он по роду службы был связан только с ними, и Кривошеин пытался продать этот парламентский проект. Парламентский проект был отвергнут Николаем II со ссылкой, что война идёт, не время. Это случилось в сентябре 1915 года. Кривошеин поднял московское купечество, те в него вложились и верили, что сейчас продадим, будет парламентский проект, уберём всех ненужных министров, будем с нашего позволения назначать тех, кого нужно. А потом, когда Кривошеин оступился и Николай II указал ему на дверь, они о нём быстро забыли и взяли прямой курс уже на откровенное расшатывание, чтобы в феврале решить уже этот вопрос хоть с Кривошеиным, хоть без. Решили без него, так получилось, и февраль подводит итог всему этому этапу, который связан с московской купеческой группой. Я попытался описать, откуда она взялась, как она формировалась, как это всё происходило и в силу каких обстоятельств, как она боролась за место под солнцем, какие были трудности, к чему это привело. Насколько смог, я сегодня это рассказал. Спасибо за внимание.

Вопросы и обсуждение

?: Здравствуйте, Ярцев Сергей. Скажите, пожалуйста, по Вашему мнению, может сегодня повториться такая ситуация, которая была в начале XIX века, когда староверие собрало финансовый капитал в своих общинах, или это фантастика?

Пыжиков: Думаю, это всё-таки дела минувших дней.

?: Здравствуйте, Александр Владимирович, меня зовут Олег Хохлов, я представляю молодёжный сайт Русской Православной Старообрядческой Церкви, но здесь я как частное лицо, а не представитель официальный. Я следил за Вашим выступлением на «Эхе Москвы», хотелось бы Вас поблагодарить за поднятую тему, на самом деле, очень актуальную. Я для себя на несколько вопросов ответил, которые меня по семейной части касались, в частности — почему мой прапрадед подписывался издателем журнала «Церковь», а никаких свидетельств особенно нет: видимо, тоже была такая личность, которой доверяли, его уполномочили, наверное, этой личностью быть. Что я хотел бы сказать: мы тоже пытаемся понять на сайте и в общении, это

обсуждение занимает какое-то своё место, историю, и тоже были попытки сказать, что Савва Морозов спонсировал революцию, якобы там были какие-то движения. Я за темой следил, и мне кажется, что однозначно (книгу, к сожалению, я Вашу ещё не прочитал, там, наверное, последняя часть самая интересная, но Вы вскользь об этом сказали), в явном виде, хотя я за этим пристрасно следил — участвовали там мои деды или нет...

Пыжигов: С Александром Васильевичем вместе.

?: Я честно скажу: не убедили пока. А вопрос, который я хотел задать: почему, имея все вот эти чувства, с одной стороны, верноподданические, то есть люди против страны не шли и заинтересованность была именно в том, что власть нужна конституционная, это демократические принципы, которые сейчас вся Европа декларирует и мы к этому пришли в итоге, — но почему, имея силу, влияние, власть де факто перешла к этой питерской части? То есть эти банкиры, которых Вы как-то стороной обходите (может быть, это предмет отдельного исследования), но, возможно, они тоже кого-то финансировали?

Пыжигов: Я понял. Мне кажется, не совсем правильно говорить, что власть досталась петербургскому промышленному клану: она не доставалась, она всегда у них была, с незапамятных времён. Они были очень тесно переплетены с высшей бюрократией, и была абсолютно чёткая постоянная связь с иностранным капиталом, которая резко усилилась в конце XIX века, во второй половине 90х годов XIX века, это был сознательный курс. Они не какие-то там были реакционеры, нет, все эти банкиры — это очень образованные люди.

Я напомним, что в акционерном капитале петербургских банков значительная часть иностранного капитала была — и французского, и немецкого, и английского, и бельгийского, знаменитая девятка банков петербургская полностью связана с иностранцами, с биржей. Как раз московские были меньше с этим связаны, в московских банках не было присутствия иностранного капитала. Обычно мне говорят: как же не было, а Кноп, а Вогау, известные московские предприниматели, очень крупные московские предприниматели. Но это совсем другое: Кноп и Вогау — немцы, лютеране, они с середины XIX века вошли в этот клан, их туда приняли, и они состоялись как предприниматели именно благодаря тому, что стали связаны с этим московским кланом, стали ему полезны. И поэтому Кноп стал Кнопом — именно потому, что он доказал свою полезность текстильным фабрикантам в поставках оборудования, у Вогау немного другая была ситуация, но похожая. Они, Кноп и Вогау, не были членами петербургского клана.

У нас же как: если фамилия иностранная, значит, нет. Или даже Волжско-Камский банк: купеческий банк, но он располагается в Петербурге, а в Москве был Соединённый банк. Вот Соединённый всегда относят к московской группе, а Волжско-Камский — к петербургской, хотя всё было наоборот. Волжско-Камский — это купеческий банк, акционерами были семьи беспоповцев Кокоревых и Мухиных, никакого отношения он к Петербургу фактически не имел, кроме того, что он там располагался. А Соединённый банк не имел отношения к Москве, кроме территориального, потому что он создан на обломках финансовых структур Полякова, и создавало его исключительно министерство финансов, и оттуда же один из чиновников пришёл главой этого банка. Я попытался это размотать именно с этих позиций, а не то что кто где сидит; именно те внутренние связи, которые между ними были. И это помогло лучше понять, что собой представляет московская группа, что там были такие люди, как Кноп, Вогау, Гужон, который вообще был французским подданным (это, если помните, завод «Серп и молот» до революции был металлическим заводом Гужона). И он тоже полноправный участник московской группы, а не то что если француз — то петербургская группа. Вот это всегда нужно видеть и понимать.

?: Если можно, пару слов о том, как вели себя эти две группы в период империалистической войны. Их не объединила война в едином патриотическом порыве? Ведь мобилизация была настолько всеобщей, что возникает даже вопрос о патриотическом движении.

Пыжигов: Это очень хороший вопрос, потому что следующая книга, которую я уже сдал и которая выйдет в марте будущего года, будет называться «Питер — Москва: схватка за Россию». Такое интригующее название — я специально остановился на том, чтобы выделить этот сюжет. В этой книге он просто проходит как один из, а я его решил выделить в самостоятельный, придать ему

самостоятельное звучание. И там как раз последние 20 лет описываются достаточно подробно, включая период Временного правительства, когда схватка этих кланов продолжилась. А что касается периода Мировой войны, то противоречия между ними не только не снялись, но и обострились ещё больше, чем в довоенный период 1907-1914 годов. Пошёл уже открытый обмен ударами без соблюдения каких-то приличий: использовали любые способы, чтобы захватить какие-то активы, петербургские — чтобы влезть в текстильную промышленность, те — чтобы влезть в металлургическую промышленность. В 1916 году это всё продолжалось, и каждый пытался привлечь на свою сторону всех, кого мог: петербургские — конечно, высшую бюрократию, но у московских тоже появился ресурс. Я достаточно это описываю здесь и могу однозначно сказать, что в ходе войны Первой мировой с 1914 по 1916 год включительно противоречия между ними вступили в острейшую фазу.

?: Можно такой вопрос. Меня зовут Дмитрий Анихин. Сам раскол религиозный, который произошёл в XVII веке, всё-таки чем был обусловлен, и могли ли мы его пройти тем западным путём или вообще как-то остаться без него?

Пыжиков: Без него остаться — не знаю. Пройти западным путём — пройти конфессиональную рассортировку, как я говорил, то есть должно было возникнуть две страны. Не знаю, на это я не готов ответить. Религиозные войны, на самом деле, это выход из Средневековья в Новое время, как у них, так и у нас. Но вышли по-разному.

?: Добрый вечер, меня зовут Сергей Ткаченко. Очень интересная альтернативная точка зрения для краткого курса ВКП(б). Подскажите, пожалуйста, каким образом на Вашу концепцию борьбы питерского и московского кланом накладывается реформа 1861 года, реформы, которые проводил Столыпин? Мы знаем, что Россия как паровоз первое и второе десятилетие пошла вперёд, и это всё противоречит той общинности, о которой Вы говорите, потому что и та, и другая реформы развивали индивидуализм в человеке и в коллективе. Я считаю, что Россия не была беременна колхозом, потому что тот колхоз, который был при Сталине, во главе с люмпенами — это отнюдь не общинность, которая имеет духовные скрепы, как модно говорить.

Пыжиков: Как относились к этим реформам — это абсолютно известно. К реформе 1861 года московская группа относилась хорошо, поскольку руки рабочие освобождались по всей стране, и они в этом видели свои перспективы. Всё это на внутреннем рынке происходило, и это дало бы им развитие, оно так и произошло. К столыпинской реформе относились тоже хорошо, и есть свидетельство председателя московского межевого комитета Крестовникова, который всячески её воспевал в том плане, что покупательную способность надо повышать. Население крестьянское нищее, из-за чего кризис 1903 года разразился-то, из-за чего Витте вылетел со своего поста — нищее население. Огромный объём промышленного развития, огромный объём промышленной продукции, а кто будет её потреблять, покупать? Нет покупательной способности, нет того уровня потребления. Что нужно сделать для уровня потребления? Нужно поднять основную часть населения страны — крестьянство, нужно, чтобы потребление у неё поднялось. Для этого — столыпинская реформа, она на это и была нацелена.

На самом деле, группа Рябушинского поддерживала это, но я видел статьи Четверикова по поводу столыпинской реформы, где он говорил: да, это всё правильно, но, может, как-то помягче, не будем настолько педалировать, что все индивидуальные хозяйства, частнику «ура», всю общину разбить? И он предлагал (это я читал в петербургской газете «Слово», такая была в 1908 году) более смягчённый вариант, чтобы пастбища или угодья были вместе, общие, чтобы расчленять не на индивидуалов, а на группы по пять-шесть человек. То есть круг Рябушинского считал, что цель увеличения потребления будет достигнута, но надо это мягче делать, поскольку русский человек, как они считали, сразу в частное кинуться не может с такой резкостью. А Пётр Аркадьевич Столыпин довольно резко на это пошёл, это правда. Это, можно сказать, был довольно-таки радикальный вариант аграрной реформы, потому что у высшей бюрократии был другой вариант аграрной реформы, и Столыпин прекрасно о нём знал. Автором его был заместитель министра МВД, потом видный член Госсовета Александр Семёнович Стишинский, забытый ныне. Он делал тот же самый вариант реформы, по-столыпински, с опорой на частную собственность, но иначе, то есть он уделял огромное внимание аграрно-кооперативной составляющей, это для него было очень важно. То есть то, что потом Бухарин, Чаянов, Кондратьев перепевали на новый лад, сделал Стишинский. Нужно сохранить семейную собственность, потому что семейная собственность была

очень сильно укоренена, он считал, что не надо её так сильно рушить переходом на индивидуальное, и больше кооперативов. И он разработал шесть томов законопроектов, где парочка посвящена как раз детализации артелей и кооперативов, как они должны функционировать, и это был новый импульс развития кооперативного движения. Это был смягчённый вариант столыпинской реформы, но Столыпин всё-таки остановился на более радикальном, он хотел быстрее — такой тоже был решительный человек, как мы знаем. А московская группа, как я сказал, в аграрной сфере имела только такие интересы: чем больше богатых крестьян, тем больше у нас купят.

?: Вы имели в виду такую кондратьевскую модель кооператива?

Пыжиков: Нет, нет, нет, другое. Здесь это очень важно. Я не сказал, а вот это очень важное дополнение: какая беременность. Не вся Россия была беременна, Вы правильно мне напомнили это. Дело в том, что в этой проблеме, о которой я говорил, имеет важное значение географическое распространение староверия: оно не распространяется равномерно по всей территории Российской империи, оно не размазано абсолютно. Если даже образно представить: есть такая дуга, которая идёт от Прибалтики в Белоруссию, Украину, затем заворачивает сюда — Северный Кавказ, Ставропольский край, Ростов-на-Дону, включая чернозёмные области: Тамбов, Орёл, Курск, Липецк, и уже до Поволжья — это абсолютно не староверческая зона, по большому счёту. Да, там есть вкрапления староверов, всегда были, и в Чернигове были староверы, и на юге, правда, поповцы, но не будем в это углубляться. Но общее — это не староверческие области. А другая часть — Москва и области вокруг Москвы (за исключением Смоленской, может быть), Поволжье и Урал. Север — Вологда, Архангельск — тоже, в общем-то, староверческие, но там плотность населения маленькая.

Видите, какое региональное расслоение большое? Так вот, община, о которой Вы говорите, в нестароверческих областях не была беременна социализмом. Вспомните Гражданскую войну, как в буквальном смысле завоёвывали Кавказ, Украину. А все эти крестьянские тамбовские бунты? Это тоже буквально завоёвывали, выдавливали, в землю вбивали всех. А вот здесь совсем другое отношение, здесь нет такой плодородной земли, здесь частная собственность. Здесь община — исключительно чтобы выжить, и они перенесли её на фабрику. То есть фабричное строительство, фабричное производство строилось по этому же прототипу: что не для извлечения прибыли, а для обслуживания наших потребностей. Да, это не было сплошняком для всей России, и Гражданская война поэтому и была, иначе бы её не было просто.

?: Меня зовут Сергей, я преподаватель МГГУ им. Шолохова, историк. Мне очень понравился Ваш подход и такое заострение внимания на религиозном расколе середины XVII века. Действительно, если бы не было в России, как сказал один известный культуролог, XVII века, не было бы 1917 года. Но мне непонятен один момент: почему специфику религиозного раскола Вы свели только к экономической плоскости? Это первый момент. Ведь явление было многосторонним и в первую очередь затронуло культуру России, культурный разлом наступил в XVII веке, который потом, подтачивая Россию, приведёт её к 1917 году. Второй момент. Верно заметили: почему борьба кланов сосредоточилась только в двух столицах, в Петербурге и в Москве? Старообрядчество, мне кажется, наоборот, очень хорошо осело в Сибири и далее на Востоке, сам феномен старообрядчества — оно же не было единым, это просто многогранный такой феномен. Почему борьба свелась именно к двум городам, к двум экономическим корпорациям? Спасибо.

Пыжиков: С последним просто, этот вопрос мне всегда задают: почему Питер и Москва, а остальные как? Я здесь свожу к знаменателю «Питер — Москва» по одной причине: все остальные группировки (Нижегородская, Поволжье, Сибирская) всё равно ориентировались на Москву, и Московский биржевой комитет (я это видел по всем вопросам, которые Московский биржевой комитет рассматривал) делегировали, что это представитель наших интересов, такой координационный центр. То же самое было в Петербурге: ведь была же мощнейшая группа южной промышленности, которая сейчас на востоке Украины, она тогда возникла ещё, при Николае II, но почему мы говорим, что она не самостоятельная? Всё равно все её устремления были с Петербургом связаны, именно с чиновничеством. И самое главное — что петербургские банки скрепляли ситуацию, потому что они финансово обслуживали все эти предприятия. Все эти угольные, горные огромные предприятия, которые сейчас на Украине, все обслуживались в петербургских банках. Это очень важное обстоятельство. Так же, как, например, почему

купечество было против морской программы, создания флота: а потому что все оборонные заводы были ориентированы на петербургские банки, все счета их были там, а здесь не было ничего, никаких заводов. Им нужно было не корабли создавать, а численность сухопутной армии увеличивать, чтобы увеличивать поставки обмундирования. Вот такие интересы.

Теперь то, с чего Вы начали. Я всегда говорю: сводить только к экономике нельзя, здесь никто спорить и не будет. Есть сторона догматическая, религиозно-догматическая, которой всегда уделяют повышенное внимание, начиная с XVII века, когда она на первом плане была. Нет, она не была проста, и именно поэтому я ей не занимаюсь, поскольку не считаю себя в ней специалистом. Поскольку специалисты по этой теме есть, то я с удовольствием всегда слушаю Глинчикову, например, что они говорят в этом плане, и не претендую на то, что я могу что-то новое сказать, это невозможно. Но они не занимаются вот этой стороной, которой занимаюсь я. Каждый занимается своим делом, но общее всё равно достигается: мы лучше понимаем всё то, что происходило в нашей истории.

?: Алексей Шишкин, журналист, старообрядец. Я с интересом прослушал, я и предварительно материалы предыдущие прочитал. Как сказал Солженицын, не было бы XVII века — не было бы 1917 года. Действительно, ключевой момент истории не осмыслен, но с тем, как сейчас уважаемый Александр Владимирович осветил, есть некоторые вопросы и несогласие. Он построил очень красивую концепцию, краткий курс ВКП(б), как было сказано, то есть попытку дать какие-то простые модели, в которые вся сложность истории загоняется. Вот это попытка простую и в силу простоты красивую и для полубразованных масс захватывающую концепцию построить. Но вот ряд узловых точек в этом докладе, и все они не соответствуют действительности. Очень всё звучит красиво, но ни одна из этих базовых точек не соответствует действительности. Раскол совершенно не соответствует западной Реформации, это не была гражданская война, это была навязываемая сверху идеология и террор, а внутри масс народных не было никакой вражды. До самой революции никониане и старообрядцы жили в одних деревнях на одних улицах, сохраняли мирные, добрососедские отношения, и все проблемы были только со стороны власти. Это сразу пункт улетает — никакого не было абсолютно подобия тому, как гугеноты с католиками резали друг друга в Европе, это только репрессии со стороны власти из каких-то идеологических соображений.

Во-вторых, Россия не могла быть никакой моноконфессиональной страной — она уже ко времени Петра I и Алексея Михайловича была многоконфессиональной страной, уже был ислам в каком-то заметном количестве. И эта многоконфессиональность возрастала: уже к середине XIX века Россия была очень многоконфессиональной страной, это скрывают: было много сектантов, но не старообрядческих сектантов, рациональных сектантов, западных сектантов, народных сектантов типа молокан, на самом деле, было огромное количество. Опять-таки пункт пролетает: Российская империя при всём желании не могла превратиться в моноконфессиональную страну.

Следующий пункт. Николай I обнаружил, что создаётся какой-то общинный капитализм. Это скорее можно назвать каким-то кооперативным, корпоративным промышленно-торговым объединением, типа того, которые в Японии существуют — «Сони», «Хонда», корпоративные объединения, которые для западной экономики нехарактерны. Хорошо это или плохо — в докладе вроде как прозвучало, что это плохо, исходя из нормальной западной формы экономики. Ладно, Николай I превратил капиталистов в капиталистов западного толка, вроде всё стало нормально, но власть

совершенно не желала учитывать их интересы, совершенно законные интересы, и они теми методами, которые были возможны, стали с этим бороться. Желание создать парламент, желание создать конституционную монархию — это для капитализма совершенно нормальные методы борьбы за свои интересы, почему это опять им в какую-то вину ставится?

Кроме того, где-то в докладе произошёл переход, который не уловили: многие капиталисты русские были старообрядцами, но, во-первых, далеко не все, а к началу XX века они уже не преобладали, но далеко не все старообрядцы были капиталистами. Старообрядцев было несколько миллионов, из них подавляющее большинство были крестьяне, казаки, городские ремесленники, и интересы старообрядчества не сводились к борьбе банков, бирж и так далее. При Александре III московская группа (старообрядческая, как говорится, хотя это не так) переживает свой расцвет — какой расцвет, когда «Победоносцев над Россией простёр совиные крыла»? Это с точки зрения либеральной писалось, а старообрядцев Победоносцев давил страшно, их священство было под запретом, могли сажать в тюрьму за венчание, и они дома, тайно, катакомбно совершали обряды. Те же миллионеры держали дома молельные, где эти священники молились как-то, какой тут вообще может быть расцвет? И то, что потом были Третьяковская галерея, МХАТ для введения либерально-конституционных идей: как можно гордость русской культуры сводить к либерально-конституционным идеям? Это совершенный абсурд! Опять жизнь в теорию совершенно не вписывается.

И самое последнее: что перед революцией староверы соединились с революционерами и создали революцию. Сейчас революция — минус, если бы не было революции, как бы мы хорошо жили, и староверы оказываются очень виноватыми за революцию. Но факт в том, что староверы были недовольны, конечно, существующим положением дел, но практически все сословия в обществе перед революцией были недовольны. Недовольны были не только интеллигенты, но и военные, дворяне, даже представители господствующего исповедания, значительная часть духовенства была против существующего положения дел. Это всё общество тотально было недовольно. Староверы были тоже недовольны, как и многие другие, но они не являлись каким-то флагманом в этих оппозиционных делах. Просто в существующем виде власть, общество и государство себя изжило. Учитывая ещё то, что оно давило староверов — если бы им предоставили ещё в середине XIX века просто гражданские религиозные права, то есть дали бы их церквям существовать и совершать по своей вере, то проблема бы была вообще снята.

Понимаете? То есть все ключевые пункты не соответствуют действительности. Это красивая концепция, но, увы, история проходит мимо.

Пыжиков: Пролетел я, да, я это уже сразу понял. Насчёт того, что резни не было в XVII веке, здесь я не специалист, могу Вас только адресовать к коллегам, к Алле Григорьевне Глинчиковой — я думаю, Вы её знаете, она с Вами очень не согласится, что резни не было. Эта точка зрения мне известна давно, с самого начала, год назад я её слышал. Ответ мой только один, я тогда сказал и сейчас повторю: поработайте с источниками как следует — и всё нормализуется.

?: Если мы говорим про влиятельный капитал старообрядцев, что с ним происходит после революции, при советской власти? И как раз вопрос про то, что Россия была беременна колхозом: оказывают ли они какое-то влияние на новую власть, когда оно спадает или когда оно возрастает?

Пыжиков: Ну, что происходит с капиталом купеческим и некупеческим, я думаю, все прекрасно понимают. Здесь никакой разницы не было, и никаких нюансов я не вижу — всё одно, судьба понятна — и капитала, и обладателей этого капитала, называется «кто не спрятался, я не виноват». Я бы ответ разделил так: я всё время говорил об элитах, о столкновении этих группировок. Это нельзя мешать всё в одно, потому что не все старообрядцы были миллионерами, это абсолютно правильно — далеко не все. Два уровня в проблеме: один — это уровень элит, и я сегодня об этом и говорил, а существовал и другой уровень — уровень народа, низших слоёв, которые не имели отношения ни к каким биржам, банкам и видеть их никогда не видели. Это и есть основная масса, и она видела свою жизнь по-другому. Им борьба этих элит была глубоко безразлична, у них были свои жизненные установки, и это имело значение уже после революции — как эти установки заработали.

Вот мне говорят: какой же он старообрядец после революции? А потому что люди смотрят, практикующий он или нет, они по этому определяют. Но если человек вышел из старообрядческой среды, там родился и вырос, а после советской власти стал одним из лидеров большевиков, то, конечно, он никакой не практикующий старообрядец, это нонсенс, он никакого отношения к этому вообще не имеет, но он вырос в той среде, и что, вы думаете, он изменился очень сильно? Какая бы идеология, какое бы знамя в руке ни было, но те архетипы, которые были заложены в сознание в детстве, действовали, это просто на уровне психологии. И эти люди со своей психологией формировали эту советскую власть, и если у части староверия была идея, что нас обманули, что нужно восстановить и ввести в государственные рамки общинность и коллективность, то это всё и сказалось, и дело не в Марксе и Энгельсе.

Видеозапись первого выступления А.В. Пыжикова на Эхе Москвы

<http://echo.msk.ru/programs/cenapobedy/1165534-echo/#video>

Оригинал данной публикации на сайте фонда Егора Гайдара:

<http://lectures.gaidarfund.ru/articles/1858>